

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В XX ВЕКЕ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ**

В статье анализируются генезис и формирование адаптологии как науки, имеющей междисциплинарный характер; выясняется специфика политической адаптации и обосновывается актуальность ее изучения, которая объясняется наступлением в XX веке эпохи бифуркаций и турбулентности; выясняются основные направления, этапы и результаты изучения проблем социальной адаптации в отечественной науке, а также политической адаптации населения Сибири в российской историографии; делается вывод о перспективности этого научного направления для внесения большей ясности в понимание как поведения власти и общества, так и проблем их взаимоотношений в России.

Ключевые слова: социальная адаптация, политическая адаптация, методология, историография, Сибирь.

В переводе с латыни слово «адаптация» («*adaptare*») означает «приспособление». Судя по всему, в качестве научного термина он получил права гражданства в середине XIX века после выхода в свет в 1859 г. книги английского естествоиспытателя Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». В своем труде Дарвин отождествил эволюцию путем естественного отбора и адаптацию. С этого времени термин «адаптация», понимаемый как процесс и в то же время как результат приспособления системы (субъекта) к внешней среде, стал широко применяться в естественных науках, особенно в биологии и медицине.

К настоящему времени общепризнано, что адаптация является универсальным средством взаимоотношений между любой системой (субъектом) и его средой, направленным на устранение рассогласованности и установление равновесия между ними. Адаптационные процессы буквально пронизывают живую и неживую природу, а также общество. От скорости, форм, характера и результатов их протекания зависят не только состояние, но и перспективы глобального развития.

В мировой науке выявлены три магистральные направления адаптационного взаимодействия. Они проходят по линиям «живая природа — неживая природа», «общество — природа» и внутри

самого общества. В последнем случае его отдельные структурные элементы (нации, страты, территориальные организации, институты, индивиды и т. п.) приспособляются к уже существующим и постоянно трансформирующимся объективным социальным реалиям: к экономическим отношениям, социальной структуре, культуре, политическим системам и режимам и др.

Новая и новейшая история человечества свидетельствуют о том, что темпы его развития неуклонно увеличиваются, скорость перемен в результате модернизации и перехода от аграрного общества к индустриальному возросла, а социальное время уплотнилось. Видимо, в XX веке эра эволюционного развития человечества завершилась. Оно вступило в зону бифуркаций и турбулентности, наиболее ярким проявлением которых стали широкомасштабные, в том числе мировые, войны и «глубокие» революции, повлекшие за собой коренное изменение традиционного политического и социального ландшафтов. На рубеже XX–XXI вв. ситуацию усугубило становление информационного общества, процессы глобализации и активное внедрение инновационных технологий. В результате адаптационная нагрузка на социальные системы и на отдельную личность постоянно увеличиваются.

Особое значение в жизни общества, особенно современного, имеет адаптация в политической сфере. Являясь составной частью социальной адаптации, она протекает во многом иначе и сложнее, чем во всех остальных областях человеческой жизнедеятельности, отличается многообразием и разнонаправленностью отношений между субъектом (адаптантом) и его средой. Такая специфика обусловлена совокупностью факторов.

Во-первых, в политической сфере все процессы, как правило, происходят намного динамичнее, чем в других областях (например, в экономике или культуре).

Во-вторых, политическая система позиционирует себя по отношению к населению активно, а ее политический режим постоянно выступает в роли мощного механизма, осуществляющего адаптацию населения, в том числе принудительную, к существующим реалиям.

В-третьих, население, являющееся адаптантом, в то же время ведет себя как самонастраивающаяся адаптирующаяся система, которая под воздействием политической среды осуществляет свои внутренние преобразования, различные по форме, глубине и результатам.

В-четвертых, по принципу обратной связи население оказывает активное воздействие как на существующие политические системы, так и на политические режимы, под влиянием которых они тоже трансформируются. Как следствие, именно в политической сфере наиболее широкое распространение получили процессы взаимной адаптации — так называемая коадаптация.

Однако при неблагоприятном протекании адаптациогенеза магистральная тенденция к установлению динамического равновесия между адаптантом (обществом) и средой (политической системой) может смениться локально-временными коллизиями, а затем и конфликтными трендами. Как правило, именно политическая дезадаптация между обществом и политической системой служит одной из важнейших предпосылок возникновения разного рода революций и войн: гражданских, национально-освободительных, религиозных и др. Тем самым, политическая адаптация играла и продолжает играть важнейшую роль в мировой и, соответственно, в отечественной, в том числе локальной, истории.

В общественных науках использование термина «адаптация» и начало изучения адаптаций применительно к социальной сфере (*social adaptation*) относится к началу XX века. Пионерами его употребления, заложившими тем самым основы исследования социальных адаптаций, были американский социолог Г. Четтертон-Хилл¹ и английские ученые Дж. Томсон² и Л. Бристол³. Благодаря их публикациям в науке сформировалось представление о том, что адаптация есть универсальное свойство не только всех естественных организмов, но и общественных систем. Предельно лапидарно и емко эту мысль в 1970 г. выразил американский социолог и футуролог, лауреат Нобелевской премии Э. Тоффлер: «Образно говоря, жизнь есть адаптация, приспособляемость»⁴. Впрочем, не менее верным является и прямо противоположное утверждение: «Адаптация — это жизнь».

В изучении проблем социальной адаптации российские ученые отстали от своих западных коллег примерно на полвека. До середины 1960-х годов проблемы социальной адаптации в нашей стране не изучались. Только в конце 1960-х годов появились первые

---

¹ *Chatterton-Hill G.* Heredity and Selection in Sociology. L., New York, 1907. 571 p.

² *Thomson J.A.* Darwinism and Human Life: The South African Lectures for 1909. N. Y., 1910. 252 p.

³ *Bristol L.M.* Social Adaptation. Cambridge, Mass., 1915. 356 p.

⁴ *Тоффлер, Элвин.* Шок будущего. М., 2008. С. 370.

специальные исследования на данную тему социологов В.Н. Шубкина¹, Л.С. Белкиной, Р.П. Колосовой, Г.М. Кочетова, В.С. Немченко и Г.И. Шинаковой², 1970–1980-е годы — М.П. Будякиной и Л.А. Русалиновой³, Д.А. Андреевой⁴, Т.Н. Вершининой и А.К. Назимовой⁵, Свиридова⁶, Ф.Д. Кутц и Л.Н. Максименко⁷, Л.Л. Шпак⁸, педагогов М.И. Педаяс⁹ и Е.В. Таранова¹⁰, психологов О.И. Зотовой и И.К. Кряжевой¹¹, Н.Е. Шафажинской¹², А.А. Алдашевой¹³, И.А. Георгиевой¹⁴, В.Г. Асеева¹⁵, Г.А. Балла¹, философов С.Д. Артемова²,

¹ Шубкин В.Н. Некоторые вопросы адаптации молодежи к труду // Социальные исследования. М., 1965. Вып. 1. С. 118–137.

² Немченко В.С., Шинакова Г.И., Белкина Л.С., Колосова Р.П., Кочетов Г.М. Профессиональная адаптация молодежи / В.С. Немченко, Г.И. Шинакова, Л.С. Белкина. М., 1969. 128 с.

³ Будякина М.П., Русалинова Л.А. Некоторые вопросы адаптации новичков на производстве // Человек и общество. Л., 1971. Вып. 8. С. 51–55.

⁴ Андреева Д.А. О понятии адаптации. Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество. М., 1973. Вып. 13. С. 62–69.

⁵ Вершинина Т.Н., Назимова А.К. Социологические аспекты адаптации рабочих кадров: Конспект лекций. Л., 1978. 36 с.

⁶ Свиридов Н.А. Некоторые методологические проблемы социальной адаптации личности. Владивосток, 1979. 125 с.

⁷ Кутц Ф.Д., Максименко Л.Н. Адаптация молодого рабочего в трудовом коллективе. Киев, 1980. 21 с.

⁸ Шпак Л.Л. Становление рабочего: адаптация и воспитание рабочих кадров. М., 1987. 167 с.

⁹ Педаяс М.И. Профессиональная адаптация учителя // Организация учебного процесса. Тарту, 1976, № 5. С. 5–44.

¹⁰ Таранов Е.В. Социально-психологические проблемы адаптации молодого рабочего: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976. 25 с.

¹¹ Зотова О.И., Кряжева И.К. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 219–232; Кряжева И.К. Социально-психологические факторы адаптации рабочего на производстве // Прикладные проблемы социальной психологии: Сб. ст. М., 1983. С. 234–249.

¹² Шафажинская Н.Е. Психологический анализ саморегуляции личности в процессе социально-психологической адаптации студентов педвуза: автореф. дис. ...канд. психол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. М., 1982. 15 с.

¹³ Алдашева А.А. Особенности личной адаптации в малых изолированных коллективах: автореф. дис... канд. психол. наук / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Л., 1984. 19 с.

¹⁴ Георгиева И.А. Социально-психологические факторы адаптации личности в коллективе: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Л., 1986. 18 с.

¹⁵ Асеев В.Г. Адаптация учащихся и молодежи к трудовой и учебной деятельности. Л., 1986. 239 с.

А.М. Розенберга³, Л.М. Растовой⁴, М.И. Скубий⁵, Г.Д. Волкова и Н.Б. Оконской⁶, С.В. Кинелева⁷, Н.П. Лукашевича⁸, медика В.П. Казначеева⁹.

Среди публикаций тех лет преобладали издания малого формата (тезисы и статьи), а также диссертации, свидетельствующие о том, что работа в данном направлении только начиналась. Они были посвящены довольно узкому и отнюдь не ключевому кругу проблем. Центральное место в них занимали проблемы адаптации школьников и студенчества к учебе, рабочей молодежи и молодых учителей — к трудовой деятельности, личности — в коллективе. В то же время предпринимались отдельные попытки теоретически осмыслить структуру понятия «социальная адаптация»¹⁰, раскрыть взаимосвязь понятий «культура» и «адаптация»¹¹, выяснить формы, механизмы и стратегии социально-психической адаптации личности¹², проанализировать философ-

¹ Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. М., 1989. № 1. С. 92–100.

² Артемов С.Д. Проблемы социальной адаптации молодого рабочего на социалистическом промышленном предприятии: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Свердловск, 1970. 19 с.

³ Розенберг А.М. Условия труда и социальная адаптация работника на социалистическом предприятии: автореф. дис. ...канд. филос. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Свердловск, 1970. 26 с.

⁴ Растова Л.М. Социальная адаптация личности в коллективе: автореф. дис. ...канд. филос. наук / Томск. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева. Томск, 1973. 22 с.

⁵ Скубий М.И. Проблемы социальной адаптации молодых сельских учителей: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1975. 20 с.

⁶ Волков Г.Д., Оконская Н.Б. Адаптация и ее уровни // Философия пограничных проблем науки. Пермь: Пермский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1975. Вып. 7. С. 134–142.

⁷ Кинелев С.В. Адаптация личности как социальное явление: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1978. 20 с.

⁸ Лукашевич Н.П. Производственная адаптация молодых рабочих в условиях перестройки: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1989. 36 с.

⁹ Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 1980. 191 с.

¹⁰ Милославова И.А. Понятие и структура социальной адаптации: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1974. 19 с.; Она же. Социальная адаптация: анализ понятия // Принципы, категории (опыт философских и социально-психологических исследований). Л., 1975. С. 54–65.

¹¹ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. 284 с.

¹² Растигеев А.П. Социальная адаптация и ответственность личности. Томск,

ское содержание теории социальной адаптации¹.

Резкий всплеск интереса к проблемам социальной адаптации в российской науке произошел в начале 1990-х годов. Данное обстоятельство объясняется совокупностью факторов, возникших после провала августовского путча 1991 г., распада СССР и конституирования Российской Федерации как реального суверенного государства. В результате ликвидации политико-идеологического контроля за научной деятельностью, ранее осуществлявшегося КПСС и политической цензурой, не стало табуированных тем. Вступление России на путь реформ резко актуализировало тематику социальной адаптации. Произошла переориентация десятков представителей общественных наук на ее изучение, что стало закономерной реакцией отечественных ученых, видевших свой гражданский долг в том, чтобы помочь России и ее населению смягчить тяготы реформирования в транзитивный период. Не последнюю роль сыграли плодотворные контакты с зарубежными коллегами, что позволило российским ученым воспользоваться их наработками в области теории, методологии и методики исследования. Наконец, появилась большая новая генерация исследователей, вошедших в науку в постсоветский период.

В результате за последние двадцать лет в изучении социальной адаптации российские ученые достигли больших успехов. Об этом, прежде всего, говорит выход в свет монографий и статей, посвященных анализу теоретико-методологических подходов и методов изучения социальной адаптации.

Как и раньше, эти вопросы обсуждались главным образом с социологических, философских, психологических и педагогических позиций². Особенно крупный вклад в разработку этих вопро-

---

1985. 78 с.; *Налчаджян А.А.* Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван, 1988. 236 с.

¹ *Верещагин В.Ю.* Философские проблемы теории адаптации человека. Владивосток, 1988. 240 с.

² *Шпак Л.Л.* Социокультурная адаптация: сущность, направления, механизмы реализации. Кемерово, 1992. 398 с.; *Витенберг Е.В.* Адаптация к новым социальным и культурным условиям в России. СПб., 1994. 134 с.; *Он же.* Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям: автореф. дис. .... к. психол. н. / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1994. 16 с.; *Кузнецов П.С.* Адаптация как функция развития личности. Саратов, 1991. 75 с.; *Он же.* Разработка методологии и теории измерения социальной адаптации // Человек в социокультурном мире: Материалы Всерос. науч. конф. / Саратов. гос. техн. ун-т. Саратов, 1998. Ч. 5. С. 56–59; *Налчаджян А.А.*

сов внесли новосибирские исследователи Л.В. Корель и М.В. Ромм. На основе достижений отечественных и зарубежных ученых естественного и общественного профиля Л.В. Корель разработала оригинальную классификационную систему адаптаций, высказала гипотезы о внутреннем устройстве механизма социальной адаптации и стадиях адаптиогенеза, сформулировала концепцию разграничения адаптаций в эволюционных и бифуркационных средах¹. М.В. Ромму принадлежит заслуга создания интерпретативной классификационной системы стратегий социальной адаптации и их характеристика с позиций нормативной методологии и структурно-функционального понимания².

Итогом глубокого научного интереса российских исследователей к проблемам социальной адаптации стал выход большого количества индивидуальных и коллективных монографий, посвященных этой теме. В их числе имеются работы, выполненные на междисциплинарной основе, в том числе на стыке социологии, экономики, философии, психологии и этнологии, которые сочетают в себе конкретно-эмпирический материал и высокий теоретический уровень его обобщения³.

Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии. М., 2009. 368 с. (2-е изд.: 2010 г.).

¹ *Корель Л.В.* Социология адаптации на исходе XX века: необходимость и трудность институционализации. Новосибирск, 1995. 48 с.; *Она же.* Классификация адаптации: словарь основных понятий. Новосибирск, 1996. 44 с.; *Она же.* Социология адаптации: этюды апологии. Новосибирск, 1997. 159 с.; *Она же.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии, методики. Новосибирск, 2005. 424 с.

² *Ромм М.В.* Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002. 274 с.; *Он же.* Философия и психология адаптивных процессов: Учеб. пособие. М., Воронеж, 2006. 295 с.

³ *Шпак Л.Л.* Социокультурная адаптация в советском обществе: философско-социологические проблемы. Красноярск, 1991. 21 с.; *Вершинина Т.Н.* Адаптация субъектов на рынке труда: потери или приобретения? Новосибирск, 1997. 42 с.; *Авраамова Е.М.* Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 1998. 229 с.; *Голуб О.Ю.* Социальные механизмы адаптации на российском рынке труда. Саратов, 2002. 280 с.; *Козырева П.М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М., 2004. 320 с.; *Анайбан З.В., Тюхтенева С.П.* Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири: Современный период. М., 2008. 216 с.; *Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики): Сборник статей / Ред.-сост. Л. В. Остапенко, И.А. Субботина; общая редакция М.Н. Губогло. М., 2008. 444 с.; Южанина Н.С.* Социокультурная адаптация в межэтнических взаимодействиях. М., 2009. 273 с.

Особенно активно велась разработка частных аспектов социальной адаптации. Им были посвящены десятки диссертаций и сотни статей. Предметом их специального анализа стал широкий круг проблем социальной адаптации. Условно можно выделить несколько крупных блоков этих проблем.

По-прежнему много внимания уделялось изучению различных проблем адаптации личности (например, психологических к условиям реформ, к рынку). Активно велись исследования о социальной адаптации применительно к различным сферам человеческого бытования и жизнедеятельности, выступавшим в качестве внешней среды: к этносам, к культуре, социально-экономическим отношениям, производственно-предпринимательской деятельности, рынку труда и др. Значительно предметнее стала анализироваться адаптация отдельных социальных групп и категорий работников: военнослужащих, мигрантов, пенсионеров, пожилых людей, женщин, молодых специалистов, работников железнодорожного транспорта и т. п. Много внимания стало уделяться изучению стратегий, моделей и практик, применявшихся адаптантами: включение, взаимодействие, конформизм, приспособление, рациональность. Как и раньше, тон в разработке проблем социальной адаптации задавали социологи, философы и психологи. Активнее стали участвовать в изучении темы экономисты, педагоги, этнологи, политологи и элитологи. Появились публикации о социальной адаптации населения в различных административно-территориальных единицах, в регионах и в макрорегионах: на Севере, Северном Кавказе, в Сибири и др.

На этом фоне обращают на себя внимание два обстоятельства. Прежде всего — это малочисленность публикаций по проблемам социальной адаптации, выполненных в историческом ключе. До середины 2000-х годов количество таких исследований исчислялось буквально единицами. Судя по всему, первой публикацией была статья В.А. Липинской¹. За ней с интервалом в десятилетие последовал сборник статей «Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.»². Только затем появились диссертации, индивидуальные и коллективные монографии¹.

---

¹ Липинская В.А. Проблемы экономической и культурной адаптации русских в Сибири (XVII – начало XX вв.) // 12-й Международный конгресс антропологических и этнологических наук (Загреб, Югославия, 24–31 июля 1988 г.). М., 1988. С. 45–47.

² Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: Сб. науч. ст. / Отв. ред.

Историографическая ситуация значительно изменилась после того, как с 2006 г. в рамках фундаментальных исследований Президиума РАН стала разрабатываться программа «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». За прошедшие с того времени пять лет вышло в свет несколько монографий, в которых проблемы социальной адаптации раскрывались в исторической динамике². В 2010 г. под редакцией академиков А.П. Деревянко, А.Б. Куделина и В.А. Тишкова был издан фундаментальный сборник статей, подытоживший выполнение названной выше академической исследовательской программы, посвященной проблемам адаптации населения к природной и социальной среде в историческом контексте³.

Вторым и более существенным пробелом в российской адаптологии является почти полное отсутствие исследований по вопросам политической адаптации. Впрочем, последнее обстоятельство не удивительно, поскольку в мировой общественной науке эта проблема тоже стала изучаться совсем недавно. Если мы

А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая. Владивосток, 2000. 206 с.

¹ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Учебное пособие. М., 2001. Вып. 1: Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв. 184 с.; Вып. 2: Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в. 160 с.; Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003. 190 с.; Хаяров Д.Г. Фронтвики в Западной Сибири: адаптация к мирной жизни (1945–1950 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2003. 27 с.; Курков К.Н. Адаптация российского дворянства к условиям модернизационного процесса начала XX в. М., 2005. 535 с.

² Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск, 2006. 272 с.; Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург, 2007. 228 с.; Ефимкин М.М. Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. Новосибирск, 2009. 312 с.; Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири: Сб. науч. трудов / Ред. С.С. Букин, В.И. Исаев, А.И. Тимошенко. Новосибирск, 2006. Вып. 1. 254 с.; Новосибирск, 2007. Вып. 2. 172 с.; Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 2006. 343 с.; Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: Сб. науч. статей / Отв. ред. О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2006. Вып. 1. 153 с.; 2007. Вып. 2. 187 с.; и др.

³ Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2010. 542 с.

не ошибаемся, то на Западе первым к исследованию политической адаптации обратился профессор школы международных отношений университета имени Дж. Вашингтона в США (Elliott School of International Affairs, George Washington University, USA) политолог Дж. Розенау. В 1981 г. он опубликовал книгу «Изучение политической адаптации», в которой дал анализ проблемы адаптации национальных обществ к условиям внешней, международной среды¹.

Классифицируя внешнеполитические действия, Дж. Розенау выделил четыре типа политической адаптации: *asquiescent* (уступчивая), *intransigent* (неуступчивая), *promotive* (содействующая) и *preservative* (консервирующая). В первом случае общества пассивно подстраивают свое поведение под запросы внешней среды. Во втором — они могут пытаться отвергнуть и никак не использовать эти запросы. В третьем — запросы извне и изнутри общества будут сбалансированы, общества смогут использовать их в своих национальных интересах; в результате возникнет баланс между импульсами извне и изнутри, что сохранит перспективу для новых изменений. В четвертом случае импульсы внешнего окружения окажутся подавленными запросами внутренней среды.

Немногие публикации российских ученых-политологов, в которых встречается сочетание слов «политическая адаптация», также выполнены под специфическим ракурсом. Они посвящены анализу того, как происходит приспособление политических систем и политических структур к требованиям окружающей среды².

Пожалуй, единственным исключением из этого ряда можно было бы считать диссертацию Т.А. Дворцовой³. Из ее названия следует, что автор намеревался изучать российскую молодежь в качестве субъекта политической адаптации. Но в дальнейшем диссертант резко ограничил свою задачу выявлением тенденций и механизмов политической адаптации молодежи к современному политическому процессу, а, в конечном счете, подменил изучение адаптации социализацией молодежи, которая отнюдь не является тождественной задачей.

---

¹ *Rosenau J.N.* The Study of Political Adaptation. L.; N.Y., 1981. 235 p.

² См., например: *Анохин М.Г.* Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость: теоретико-прикладной анализ. М., 1996. 361 с.

³ *Дворцова Т.А.* Политическая адаптация российской молодежи к трансформационному развитию: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2005. 28 с.

Что касается отечественных историков, то только в конце 1990-х годов близко к теме политической адаптации «подошел» исследователь из Санкт-Петербурга С.В. Яров, опубликовавший «трилогию», в которой в качестве субъекта политического действия предстали горожане, крестьяне и пролетарии¹. Затем в 2006 г. С.В. Яров, опубликовал монографию, посвященную феномену конформизма. Основываясь на широкой круге разнообразных источников, С.В. Яров изучил инструменты и лаборатории, практики и сценарии, язык и ритуалы, к которым в 1917–1920-е годы прибегали, с одной стороны, большевистские власти, а с другой — интеллигенты и рабочие Петрограда. По мнению исследователя, их использование имело своим результатом превращение конформизма в советской России в массовое социальное явление и в одну из важнейших форм политической адаптации этих категорий населения к коммунистическому режиму². Но книга С.В. Ярова была в отечественной историографии лишь первой «ласточкой», которая, конечно же, «не делала весны».

Таким образом, проделанный обзор литературы позволяет утверждать, что мировая и отечественная адаптология имеет существенные результаты. Главные из них сводятся к следующему: достигнуто понимание того, какую роль играет адаптация в природе и обществе; выработаны методологии и методики изучения процессов и результатов адаптации в разных областях жизни; проделаны многочисленные эмпирические и теоретические исследования, содержащие как фактический материал о наличии триггерных точек в организме общества, так и рекомендации по их разблокированию для включения механизмов адаптации и коадаптации.

На этом фоне явным аутсайдером выглядит историческая наука, с древности носящая гордое звание «учительницы жизни». Накопленная человечеством за тысячелетия существования огромная информация по проблемам адаптации остается еще не изученной, а опыт истории — не выявленным. Особенно опасный характер имеет лакуна в изучении политической адаптации, поскольку в

¹ Яров С.В. Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. 319 с.; *Он же*. Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999. 168 с.; *Он же*. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. 223 с.

² Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006. 570 с.

современных условиях политическая сфера является наиболее динамичной и конфликтогенной. Для России, переживающей затянувшуюся стадию трансформации, сделанный вывод актуален как никогда и вдвойне. Дополнительно заметим, что опыт политической адаптации принадлежит к числу важнейших компонентов историко-культурного и духовного наследия народов России, что делает изучение политической адаптации без всякого преувеличения исключительно актуальной и практически значимой темой.

* * *

Движущей силой мирового исторического развития является народ. Численность населения, его территориальное распределение, половой и возрастной состав, удельный вес трудоспособных и женщин фертильного возраста, уровень общего и профессионального образования — это тот ресурс, с помощью которого все страны наращивают экономический потенциал, крепят оборонную мощь, расширяют границы и упрочивают свое международное положение.

Государство — второй по значимости актер в истории любой страны. Оно является важнейшим результатом и в то же время определяющим фактором развития большинства народов. Изучение органов государственной власти и управления принадлежит к числу магистральных направлений исторических исследований, позволяющих получить наиболее адекватное представление о состоянии, динамике, проблемах и перспективах всех стран. Оно также закладывает тот исходный научный фундамент, который позволяет осуществлять компаративистский анализ в широком, в том числе в глобальном, контексте достижений, проблем и трудностей, переживаемых тем или иным народом, той или иной страной.

В истории России государство всегда играло ключевую роль. На протяжении многих веков оно являлось главным собирателем земель, составляющих территорию современной Российской Федерации, создателем основных отраслей отечественной промышленности и транспорта. Государство задавало ориентиры и нормы поведения в политической, идеологической и культурной сферах, было верховным судьей и арбитром во всех социально-политических конфликтах, которые возникали в истории страны, и одновременно основным инструментом их разрешения.

С учетом сказанного выше становится понятным, почему в российской историографии приоритетное значение почти всегда

имели две темы: власть (государство) и народ (общество, люди, население). Не случайно, что в отечественной исторической науке в середине XIX века возникла так называемая «государственная школа», отводившая государственной власти главную роль в развитии страны. С конца XIX века под влиянием марксизма отечественные историки все большее внимание стали уделять народным массам, видя именно в них главного творца истории. Но примерно с 1960-х годов постепенно на роль ведущей парадигмы, объясняющей специфику исторического развития России, стала выдвигаться проблематика взаимоотношений между государственной властью и народом. Правда, до начала 1990-х годов в качестве актуальной эта тема открыто позиционировалась очень редко.

Точно также напрасно было бы искать в названиях и даже в содержании публикаций российских историков термины «адаптация», «дезадаптация» или «коадаптация». Как правило, весь объем фактических данных, приводимых исследователями о взаимодействии власти и общества в России, об их приспособлении друг другу, рассматривался ими сквозь призму политической истории и интерпретировался в ее терминах. Роль основного механизма, с помощью которого российское население приспособлялось к власти, как правило, отводилась культуре, в рамках которой осуществлялась политическая социализация, и формируемым ею моделям поведения. Поэтому задача любого исследователя, взявшегося сегодня проанализировать сочинения историков в целях обнаружения в них процессов, стратегий, моделей, механизмов, инструментов и результатов политической адаптации, в значительной мере будет заключаться в расшифровке содержащейся в исторических публикациях информации и переводе традиционной терминологии, применяемой в политической истории и культурологии, на язык совсем другой науки — адаптологии.

Сказанное в отношении всей России и ее истории столь же верно по отношению к ее отдельным территориям. В этом отношении история Сибири и сибирская историография не составляют исключения. Скорее наоборот, в силу провинциализма большинства историков, занимавшихся и занимающихся в настоящее время изучением Сибири, их публикации еще в большей степени страдают традиционализмом применявшейся методологии и методики, научного аппарата и объясняющих концепций. Отсюда проистекают дополнительные трудности, связанные с выяснением того, что же можно взять на вооружение из работ предше-

ственников для выяснения того, как протекал адаптационный процесс на территории Сибири.

Отметим также, что в поиске и анализе исторических сочинений, так или иначе затрагивавших вопросы политической адаптации населения, огромную помощь оказали специальные историографические труды, дающие представление об историческом сибиреведении в целом, об изучении истории отдельных сибирских регионов, социальных групп и этносов, об историографическом наследии выдающихся историков, а также о зарубежной историографии истории Сибири.

Подчеркнем, что в XX веке вопрос об адаптации к политическим системам и режимам российского государства стоял перед сибиряками значительно острее, чем в предыдущее время. Такая актуализация проблем политической адаптации была детерминирована двумя объективными факторами.

Первый из них — общемирового порядка: в XX веке произошло резкое ускорение темпов развития, особенно политического, большинства стран и народов, проживавших в Европе, Азии и Северной Америке. Россия оказалась в их числе.

Второй фактор имел российское «происхождение» и российский же масштаб. Едва ли не половину XX века страна находилась в «зоне бифуркаций», наиболее существенным проявлением которых стали революции, войны и радикальные трансформации.

Сибирь в полной мере воплотила в себе главные общероссийские закономерности. В ее истории XX века достаточно хорошо прослеживаются периоды развития, значительно отличавшиеся друг от друга как по содержанию главных проблем, которые решались в рамках этих хронологических этапов, так и по тому, что одни из них можно отнести в основном к эволюционным, другие — однозначно к бифуркационным.

Превентивная разработка такой периодизации для анализа истории и соответственно историографии истории Сибири очень важна. Она позволяет изначально решить целый блок исследовательских задач. Прежде всего, такая периодизация дает возможность выяснить, когда произошли наиболее радикальные изменения в государственном строе России и в чем они заключались. Она также способствует пониманию того, когда и с какими проблемами, возникшими в результате политических трансформаций, сталкивалось население Сибири, как их решало, как приспосабливалось к изменениям и какими оказались итоги этого приспособ-

собления. Наконец, периодизация позволяет сконцентрировать внимание на «переломных» моментах исторического развития сибирского региона, когда значение адаптивного поведения населения становилось решающим фактором выживания как для самого адаптанта, так и для его адаптора (политической системы, выступающей в роли внешней среды).

В качестве первого этапа истории Сибири XX века можно выделить первые полтора десятилетия. Они вместили в себя завершение строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, массовое переселение крестьян из европейской части России и активное сельскохозяйственное освоение сибирских земель. Все эти проблемы решались при активном участии органов государственной власти, в течение трех веков своего существования развивавшейся эволюционно. За это время к такой власти и к такому темпу ее обновления сибирское население привыкло. Медленно, но последовательно оно приспособлялось к российским политическим реалиям не только на поведенческом, но и на ментальном уровнях.

Второй период, хронологически охвативший всего пять лет (весну 1917 – весну 1921 г.), включает в себя две войны (Первую мировую войну и гражданскую) и две революции (Февральскую и Октябрьскую). Это было уникальное по своему динамизму и экстремальности время, когда в России шла политическая и вооруженная борьба за государственную власть и между различными политическими силами, создавшими свои государственные структуры и территориальные анклавы. Такое противостояние многократно ставило сибиряков перед проблемой политического выбора, ценой которого была жизнь, и предельно обострило для них проблему политической адаптации. Победа большевиков в гражданской войне привела к тому, что Советская власть, сущность которой они сами определяли термином «диктатура», стала государственной. Это поставило перед населением Сибири задачу приспособления к новому государственному строю во всей ее полноте и сложности.

В качестве третьего периода можно выделить время новой экономической политики, длившейся примерно с лета 1921 г. до осени 1929 г. Для данного периода были характерны относительная стабилизация большевистского режима, уменьшение объема и частичная либерализация форм государственного вмешательства в жизнь и дела населения. Это позволило большинству сибир-

ряков переструктурировать свои жизненные интересы и цели с решения политических проблем на социально-экономические и частично даже на культурные, попытаться понять новую для них советскую государственную власть, частично к ней приспособиться, а отдельным группам населения даже успешно интегрироваться в нее.

Главным содержанием четвертого периода (конец 1929 – первая половина 1941 г.) стала сталинская «революция сверху», направленная на построение фундамента социалистической экономики. Она включала в себя форсированную индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию. Массовый энтузиазм и массовое насилие, вплоть до государственного террора, получившего название «Большого», явились двумя доминирующими характеристиками данной эпохи, которые в реальной жизни тесно переплетались. Столь же впечатляющими и противоречивыми оказались достигнутые результаты. С одной стороны, в ходе реализации Урало-Кузнецкого проекта на востоке страны удалось создать вторую угольно-металлургическую базу СССР и осуществить рывок в индустриальном развитии Сибири. С другой стороны, было разорено местное крестьянство, а сельское хозяйство оказалось в глубоком кризисе. Государственное насилие обернулось для Сибири голодом и локальной демографической катастрофой в мирное время.

Годы Великой Отечественной войны (лето 1941 – весна 1945 г.) составляют пятый период. В это время Сибирь находилась на положении глубокого тыла со всеми присущими такому состоянию проблемами: эвакуациями и реэвакуациями, военными и трудовыми мобилизациями, колоссальным напряжением всех ресурсов и огромными человеческими потерями. Время было невыносимо тяжелым, власть — столь же суровой и даже жестокой. Но население хорошо понимало необходимость выпавших на него новых испытания и жертв, а неподдельный массовый патриотизм явился тем эффективным ментально-психологическим «буфером», с помощью которого власть и народ находили «общий язык» для преодоления трудностей.

Шестой период, хронологические рамки которого лето 1945 – весна 1953 г., в советской историографии получил название «периода послевоенного восстановления народного хозяйства», в постсоветской — чаще всего именуют термином «поздний сталинизм». Правильно и то, и другое. Это был сложный «реабилитационный

период» после тяжелейшей войны, без прохождения которого невозможно было восстановление не только разрушенной экономики, но и точно также пострадавших демографического потенциала, брачной структуры и в принципе «нормальной» жизни социума. Денежная реформа, отмена карточной системы, репрессии против «безродных космополитов», «дело врачей» — вот знаковые акции Советской власти, характеризующие ее отношение к населению и одновременно условия, в которых народу приходилось приспосабливаться к власти в послевоенный период.

Весна 1953 – осень 1964 г. — время правления Н.С. Хрущева, получившее метафорическое название «оттепели», составляет седьмой период. За это десятилетие в Сибири произошло много уникальных событий, в значительной мере изменивших ее облик и роль в стране: были открыты месторождения природного газа и нефти, освоены целинные и залежные земли, создано Сибирское отделение Академии наук, начата реализация Ангаро-Енисейского проекта, велось бурное промышленное и жилищное строительство. Но самым главным результатом, который невозможно выразить в цифрах, стала «десталинизация» советского государственного строя и те изменения в сознании людей, которые стали следствием этой «десталинизации».

Восьмой период, охвативший два десятилетия (осень 1964 – весну 1985 г.), был оценен руководством КПСС, хорошо знавшим реальную ситуацию в СССР, как время «застоя». Скорее всего, столь категорическая характеристика верна только по отношению к последнему десятилетию. Всему же периоду в целом были присущи крайне противоречивые тенденции и столь же неоднозначные результаты. В это время был создан Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс и в основном завершено строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, но не удовлетворялись элементарные потребности местного населения в товарах промышленного производства и в продуктах питания. В сфере идеологии и политики власть предпринимала попытки ликвидировать проявления «социалистической демократии», реабилитировать Сталина и сталинизм, но делала это непоследовательно и трусливо.

Основное содержание девятого периода (весна 1985 – лето 1991 г.) составляет «перестройка». Руководство КПСС замышляло ее как возвращение к «истокам», обновление социализма для придания ему новых импульсов развития и большей привлекательности. Новое политическое мышление, ускорение, гласность, демократиза-

ция партии и советов, отказ от планового руководства экономикой — вот главные направления этого реформирования. Дезинтеграция хозяйственных связей, тотальный дефицит, политизация общества, возникновение независимого рабочего движения, ликвидация монополии КПСС на государственную власть — таковы для населения Сибири были реальные итоги «перестройки».

Десятый период охватывает последнее десятилетие XX столетия. В это время завершился демонтаж социализма (запрет КПСС, ликвидация советов, разгосударствление и приватизация собственности) и активно шли поиски новой идентичности российской государственности (президентское или парламентское правление, федерализм). Радикальное реформирование политической и всех остальных сфер страны обернулось для сибиряков снижением жизненного уровня, резким социальным расслоением и глубоким политическим расколом, для преодоления которых потребовалась новая мобилизация их адаптационного потенциала.

Из краткой характеристики основных этапов истории Сибири можно сделать вывод о том, что политическая система российской государственности в XX веке и практикуемые ей политические режимы, мягко говоря, не отличались преемственностью и стабильностью. Наиболее резкий разрыв в этой сфере произошел на втором этапе. Во многом аналогичные процессы, только в прямо противоположном направлении, протекали на последнем, десятом этапе истории Сибири.

Именно на анализе того, какие результаты были достигнуты отечественной историографией в ходе изучения двух названных этапов, целесообразно прежде всего в дальнейшем сосредоточить первоочередное внимание при изучении процессов политической адаптации населения Сибири в хронологических рамках XX столетия.

* * *

Приступая к изучению того, как население Сибири приспосабливалось к политическим системам и режимам в XX веке, принципиально важно понимать и учитывать в исследовательской практике, что субъект адаптации не есть некий социально-демографический монолит, наделенный единым пониманием ситуации и действующий по единой стратегии.

Напомним, что численность населения Сибири с конца XIX

века до конца 1980-х годов увеличилась с 5,8 млн до 24,0 млн человек, т. е. примерно в четыре раза.

Точно также изменился его состав. В начале века в нем имелись одни группы (национальные, территориальные, по месту и времени проживания, социальные, конфессиональные и т. п.), в конце столетия — во многом другие. Постоянно менялся удельный вес этих групп в составе населения. Если в начале столетия 90 % населения края составляли жители села, в основном крестьяне, казаки и «инородцы», то в конце века преобладали горожане (рабочие, служащие и интеллигенты). Поэтому необходимо не только различать адаптационные траектории и достигнутые каждой такой группой результаты, но и верно оценивать ее роль и место в решении адаптационных задач, стоявших на том или ином этапе развития перед всем населением Сибири. В противном случае картина будет деформированной и недостоверной.

Только большой энтузиаст или неисправимый романтик может пытаться найти в названиях публикаций и в текстах советских историков термин «адаптация» или производные от него «коадаптация», «дезадаптация» и др. Но какие бы усилия он не прилагал, ему не удастся обнаружить таких слов по очень простой причине: советские историки их не употребляли, потому что просто не знали. Они были людьми совсем иной политической и научной культуры, работали совсем в другой теоретико-методологической парадигме и использовали совсем иную лексику.

Советские историки рассматривали исторический процесс сквозь призму классовой борьбы, в контексте которой, кстати, употреблялось и слово «приспособленец» (т. е. адаптант), но только в качестве политического ярлыка или — хуже того — клейма. Последнее отнюдь не означает, что в их публикациях отсутствует эмпирический материал и первичные обобщения, содержащие информацию по проблемам политической адаптации, или дающие основания для выводов, которых нет у авторов данных публикаций. В этом легко убедиться, если даже ограничиться анализом только приоритетной тематики, которая разрабатывалась в советской историографии. Безусловно, что для всех ее этапов это будут история классов (главным образом, рабочего класса и трудящегося крестьянства), революционного движения и революционной борьбы, а также руководящей деятельности партии большевиков-коммунистов.

Конкретизируем это общее соображение на примере дорево-

люционного периода истории Сибири XX века.

Как свидетельствуют имеющиеся библиографические и историографические обзоры, в названных хронологических рамках особенно активно изучались общие проблемы истории рабочего класса¹ и крестьянства², рабочее³ и крестьянское движение⁴, деятельность социал-демократов, социалистов-революционеров и областников⁵, революция 1905–1907 годов¹, каторга и ссылка².

¹ *Блинов Н.В.* Историография рабочего класса Сибири дореволюционной Сибири: автореф. дис. ... доктора ист. наук / Томский гос. ун-т. Томск, 1975. 45 с.; История рабочего класса Сибири и Дальнего Востока (XVII в. – 1985 г.): Библиографический указатель. Новосибирск, 1989. 695 с.; и др.

² *Горюшкин Л.М.* Историография Сибири (период капитализма). Учебное пособие. Новосибирск, 1979; *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. 317 с.

³ Ленский расстрел. (Библиография литературы 1912–1916 гг.) // Каторга и ссылка. М., 1932. № 4. С. 136–207; *Блинов Н.В.* К историографии рабочего движения в Сибири (исследования 1935–1959 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука, 1980. С. 211–239.

⁴ *Горюшкин Л.М., Кучер В.В., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н., Шустов К.Б.* Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1985. 328 с.; *Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н.* Крестьянское движение в Сибири 1907–1914 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1986. 318 с.; *Они же.* Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1987. 241 с.

⁵ *Афанасьев А.Л.* Советская историография деятельности эсеров в Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 191–202; *Толочко А.П.* Эсеры и революционное движение в Сибири в 1907–1914 гг. (к историографии и проблематике вопроса) // Россия и социально-экономическое развитие Сибири: Тезисы докладов и сообщений. Тюмень, 1982. Ч. 1. С. 76–78; *Он же.* Политические партии и борьба за массы в Сибири в 1907–1914 гг. (современная историография проблемы) // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. Омск, 1987. С. 33–37; *Он же.* Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001. 140 с.; Сибирское областничество. Библиографический справочник. Томская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина при поддержке Института «Открытое общество» (фонд Сороса). Ответ. ред. С.С. Быкова. Томск: Водолей, 2001. 288 с.; *Новиков С.В.* Социал-демократы и революционное подполье Сибири (1907 – февраль 1917 г.). Историография второй половины 50-х – 80-х гг. XX века. Омск, 2003. 163 с.; *Исакин С.П.* Проблемы изучения социал-демократии Сибири начала XX в. // Вопросы истории. М., 2003. № 11. С. 153–160; *Он же.* Социал-демократы в составе массовой политической ссылки в Сибирь (Историография советского периода) // Пол-

Другими словами, советские историки изучали преимущественно те группы населения Сибири, которые конфликтовали с государственной властью или вели с ней борьбу, т. е. поведение которых было антиадаптивным, а также формы и масштабы этого поведения. Соответственно, за пределами их внимания оставались другие группы населения, которые были лояльны к власти, сотрудничали с ней и поддерживали ее.

По принципу «от противного» не составляет большого труда назвать эти категории: аборигены, казачество, крестьяне-старожилы, служащие, интеллигенция, торговцы, промышленники. К тому же нельзя забывать о том, что в рабочем и крестьянском движении участвовала меньшая часть представителей этих социальных групп, во-первых, и лишь небольшая часть их выступлений носила антигосударственный, политический характер — во-вторых. Чаще всего крестьяне были недовольны позицией местных властей, а рабочие — предпринимателей. Случалось, что крестьянские выступления вспыхивали на почве внутриобщинных или межобщинных противоречий, а органы государственной власти были вынуждены в этих конфликтах выступать в роли посредника или третьей стороны. В итоге получается, что в пер-

---

зуновский вестник. 2003. № 3–4. С. 118–128; *Он же*. Историография сибирской социал-демократии: автореф. дис... д-ра ист. наук / Омский гос. ун-т. Омск, 2004. 46 с.; *Коновенко А.А.* Партия социалистов-революционеров в 1901–1922 гг. (проблемы историографии). Тюмень, 2004. 288 с.; *Кадиков Э.Р.* Отечественная историография эсеровского подполья в Сибири в начале XX в. Учебное пособие. Омск, 2008. 166 с.; и др.

¹ *Блинов Н.В.* Вооруженные восстания 1905 г. в Сибири в советской историографии // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1976. № 6. Вып. 2. С. 107–114; *Шиловский М.В.* Советские историки о деятельности большевиков Западной Сибири в период отступления первой русской революции // Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1977. С. 33–54; *Он же*. Первая русская революция в Сибири (к историографии проблемы). Учебное пособие. Новосибирск, 1983. 91 с.; *Он же*. Итоги и перспективы изучения событий революции 1905–1907 гг. в Сибири // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Материалы Всерос. науч. конф. (Томск, 19–21 октября 2005 г.). Томск, 2007. С. 13–20; и др.

² *Кантор Р.М.* Каторга и ссылка за десять лет (1921–1930). Систематически-предметный указатель. М., 1931 (1932), 107 с.; *Иванов А.А.* Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. Иркутск, 2001. 275 с.; *Он же*. Сибирская политическая ссылка XVII – начала XX в. в исследованиях современников. Иркутск, 2013, 153 с.

вые полтора десятка лет XX столетия большинство населения Сибири было, как минимум, лояльно к государственной власти.

Конечно, такой интерпретации советской историографии можно противопоставить ссылки на ряд фактов успешной революционной деятельности того времени, получивших всероссийскую и даже всемирную известность и нашедшей широкое отражение в сочинениях историков и публицистов. В первом случае речь идет о Красноярской и Читинской «республиках», созданных в 1905 г., во втором случае — о событиях в Бодайбинском золотопромышленном районе и Ленском расстреле 1912 г.

Однако обе «республики» стали всего лишь кратковременным локальным успехом рабочих-железнодорожников и солдат, недовольных правительством главным образом из-за поражения России в русско-японской войне. Перевод обоих выступлений в антиправительственное русло с применением оружия произошел под влиянием приезжих социал-демократов и эсеров, часть из которых только что получила свободу по амнистии. Как можно заключить из современных публикаций, обе «республики» были быстро ликвидированы правительственными войсками, не оказав никакого влияния на общеполитическую ситуацию в Сибири¹.

Что касается Ленских событий, то омский историк С.П. Исачкин обстоятельно показал, какую метаморфозу претерпела трактовка этого факта в советской историографии за 1920–1950-х годы. «В конце [19]20-х гг., — пишет С.П. Исачкин, — большинство исследователей стало рассматривать стачку на Лене как чисто экономическую акцию классово незрелого пролетариата. Противоположная же точка зрения осталась недоказанной по причине отсутствия необходимых источников. Однако уже в [19]30-е гг. приверженцы радикального направления в марксистской науке взяли реванш. Он не был убедительным, поскольку документальная база темы осталась прежней. В основу же большевистской концепции рассматриваемой проблемы были положены воспоминания, специально созданные для подтверждения выдающейся роли ленинской партии в событиях 1912 г. Данный процесс нетрудно проследить по мемуарной литературе [19]30–[19]50-х гг. Сначала П.Н. Баташев указал на образование рабочего кружка на приисках. Затем П.И. Подзаходников и Г.В. Черепяхин засвиде-

---

¹ Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 308; Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 188.

тельство существование там во время стачки подпольной группы большевиков. И, наконец, с помощью известных мемуаров М.И. Лебедева в историографии утвердились новые представления по данному вопросу. Согласно им, созданная на Лене в 1911 г. большевистская организация сознательно готовила всеобщую забастовку горняков и, в конечном счете, возглавила ее проведение»¹. С.П. Исачкин утверждает, что «стачка на всем протяжении своего развития носила экономический характер» и, более того, считает, что даже после расстрела 4 апреля 1912 г. «горняки обращались к представителям верховной власти в надежде на защиту и справедливость»².

Таким образом, анализ причин и характера трех знаковых для советской историографии событий начала XX века — Красноярской и Читинской «республик», а также Ленской стачки — не опровергает предположение о наличии у большинства населения Сибири устойчивой установки на адаптацию к существовавшей политической системе и к политическому режиму. Об этом же свидетельствуют успешное проведение призывов сибиряков в армию, их самоотверженное поведение на фронте и другие мероприятия в годы Первой мировой войны³.

Последнее, конечно, отнюдь не означает, что сибиряков власть полностью устраивала. Но совершенно бесспорно, что поведение этой части населения заслуживает не меньшего внимания историков, чем той, которая занималась антигосударственной деятельностью.

¹ *Исачкин С.П.* Характер и руководство Ленской стачки 1912 г.: новое осмысление проблемы // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2001. № 9. С. 206–213.

² Там же. С. 212. Три года спустя эту же трактовку ленских событий С.П. Исачкин воспроизвел в автореферате своей докторской диссертации (см.: *Исачкин С.П.* Историография сибирской социал-демократии 1907–1917 гг. С. 25–26).

³ *Шудяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. В 2-х книгах. М., 2004. Книга 1. 748 с.; *Еремин И.А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. 278 с.; *Шишкина С.Ю.* Провинция и война. Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. 208 с.; *Новиков П.А.* Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. 275 с.; *Романов Г.И., Новиков П.А.* Иркутское казачество (вторая половина XVII – начало XX века). Иркутск, 2009, 352 с., *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. С. 13–27.

В порядке рабочей гипотезы выскажем предположение о том, чем обуславливалось столь устойчивое адаптивное поведение основной части населения Сибири в начале XX века. Думается, вслед за американским антропологом и политологом профессором Дж. Скоттом, что его прежде всего нужно искать в традиционной для такого социума реальности повседневной жизни: в заботах о «хлебе насущном», которые не оставляли ни времени, ни сил для того, чтобы вступить в конфликт с властями и тем самым поставить свою семью под угрозу голодной смерти.

Большое значение имела и та, хотя бы и незначительная, помощь, которую оказывали крестьянам органы государственной власти, особенно переселенческое управление, кредитами, семенным зерном, землеустройством, постройкой дорог и школ, мелиоративными работами. Благодаря ей, крестьяне привыкли видеть в российском государстве своего покровителя и гаранта от стихийных бедствий.

Конечно, по причине элементарной неграмотности большинства крестьянского населения его адаптивные возможности в политической сфере были весьма ограничены. Оно явно не было ориентировано на усвоение инноваций в политической сфере. Формы его адаптации, скорее всего, нужно будет описывать в таких терминах, как «рутинное», «традиционное» и даже «стихийное», а результат едва ли можно будет оценить как «полный» и «устойчивый».

Примененные выше при анализе советской историографии истории Сибири начала XX века подходы вполне реально успешно использовать и в дальнейшем при рассмотрении остальных девяти периодов. Конспективно продемонстрируем справедливость такого утверждения на примере второго периода, который мы определили как самый сложный в плане политической адаптации населения.

Как известно, революция и гражданская война всегда были главным приоритетом советской историографии. В этой предметной области работали лучшие советские специалисты, занимавшиеся изучением отечественной истории. Потеснить эту тему не смог даже упорно насаждаемый по партийной линии в 1970 – первой половине 1980-х годов так называемый «развитой социализм».

В соответствии с данными специального библиографического указателя, уже к 1972 году, когда отмечалось 50-летие окончания гражданской войны на востоке России, количество вышед-

ших в свет публикаций о революции и гражданской войне в Сибири достигло нескольких тысяч¹.

В истории революции и гражданской войны в Сибири советские историки, как правило, выделяли четыре этапа: весна – осень 1917 г., осень 1917 – весна 1918 г., лето 1918 – зима 1919/1920 г. и зима 1919/1920 – весна 1921 г. Сущность первого из них они видели в переходе революции от буржуазно-демократического этапа к социалистическому, второго — в установлении и упрочении Советской власти, третьего — во временной победе контрреволюции, четвертого — в завершении гражданской войны.

В рамках первого этапа советские историки изучали главным образом вопросы организации и деятельности партии большевиков, революционное движение рабочих, крестьян, национальных меньшинств и солдатских масс тыловых гарнизонов², т. е. освещали, если воспользоваться словами вождя большевиков В.И. Ленина, то, как эти самые большевики и их союзники «разгоняли локомотив революции».

В рамках второго этапа главное внимание уделялось борьбе большевиков за установление и укрепление Советской власти, первым социалистическим преобразованиям и борьбе с контрреволюцией³.

¹ Сибирь в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны (март 1917–1920 гг.): Библиографический указатель / Сост. В.П. Соколова, М.Л. Жданова. Новосибирск, 1973. 344 с.

² *Батоцыренов В.Б.* Советская историография Октябрьской революции и гражданской войны в Бурятии. Улан-Удэ. 1967. 71 с.; *Шорников М.М.* Октябрьская революция в Сибири // Историография советской Сибири. 1917–1945. Новосибирск, 1968. С. 5–31; Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976. 478 с.; *Шишкин В.И.* Современная советская историография Великого Октября // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. С. 234–249.

³ *Познанский В.С.* Изучение истории Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири // Историческая наука в Сибири за 50 лет. (Основные проблемы истории советской Сибири). Новосибирск, 1972. С. 16–29; *Демидов В.А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири: Историографические заметки // Сибирские огни. Новосибирск, 1973, № 1. С. 153–159; *Курас Л.В.* Историография борьбы большевиков в Восточной Сибири за власть Советов (1917–1920): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 1983. 22 с.; *Он же.* Октябрьская революция в Сибири (1917 – середина 1918 гг.) в отечественной исторической литературе и источниках. Улан-Удэ, 1995. 192 с.

В основном на изучении большевистского подполья и партизанско-повстанческого движения было сфокусировано внимание историков, занимавшихся исследованиями в рамках третьего этапа¹.

Главным образом исследованием создания и функционирования системы органов диктатуры пролетариата и разгрома остатков контрреволюции занимались историки в рамках четвертого этапа².

Краткий перечень основных исследовательских проблем показывает, что первый этап революции и гражданской войны в Сибири в советской историографии изучался преимущественно через призму конфронтации. Такая методологическая установка изначально ориентировала исследователей на явное искажение исторических событий, поскольку, как хорошо известно, свержение самодержавия и приход к власти Временного правительства единодушно одобрили все слои российского общества, политические организации, движения и партии, в том числе революционные, включая находившихся внутри страны большевиков. Ис-

---

¹ *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974. 254 с.; *Шишкин В.И.* Современная советская историография иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири: дискуссионные проблемы // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 20–41; *Он же.* Большевики и партизанское движение в Сибири в освещении советской литературы 20 – начала 30-х гг. // Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Новосибирск, 1987. С. 57–77; *Он же.* Советское строительство в партизанских районах Сибири периода интервенции и гражданской войны (к историографии вопроса) // Партийное руководство Советами Сибири в период строительства и совершенствования социализма: Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. С. 62–82; *Гарипова Л.Г.* Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х – 80-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Томск. гос. ун-т. Томск, 1991. 20 с.; *Кладова Н.В.* Сибирские рабочие в годы гражданской войны и интервенции (историография проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Томск. гос. ун-т. Томск, 1991. 19 с.

² *Шишкин В.И.* Советская историография 20-х – начала 30-х гг. о борьбе против вооруженной контрреволюции в Сибири после разгрома Колчака // Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1976. С. 44–58; *Он же.* Советская историография революционных комитетов Сибири периода гражданской войны // Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1977. С. 55–93; *Он же.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2000. Т. XVII. P. 100–129.

ключение составил лишь проживавший в то время за границей В.И. Ленин с небольшой группой единомышленников.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. В ходе изучения революционных событий 1917 г. раньше, чем в какой-либо иной предметной области, и, пожалуй, наиболее рельефно проявился такой признак советской историографии как перенесение оценок, данных большевиками своим политическим оппонентам и противникам, в научные публикации. В частности, вслед за большевистскими лидерами советские историки стали именовать меньшевиков и эсеров «социал-соглашателями», вкладывая в это словосочетание негативно-уничужительный смысл.

Между тем, такая оценка была ничем иным, как признанием того, что в России и Сибири после Февральской революции существовали влиятельные общественные группы населения, нацеленные на адаптацию к существующему государственному строю. Но большевиков такая позиция меньшевиков и эсеров категорически не устраивала, и они боролись против умеренных социалистов. Советские же историки оказались не в состоянии выработать собственную точку зрения, осмыслить позицию «соглашателей» и дать ей объективную оценку.

В советских публикациях, посвященных анализу Февральской революции и феномена двоевластия в Сибири, можно найти лишь скудные сведения, свидетельствующие, что практически все социально активное население края признало февральский переворот и консолидировано выступило в его поддержку, приняв участие в формировании и деятельности местной администрации Временного правительства, а также многочисленных институтов гражданского общества¹.

Крайне противоречивую позицию по вопросу о том, кем были созданы и что из себя представляли образованные в Сибири после Февральской революции местные органы государственной власти (комитеты общественной безопасности — КОБы, комитеты спасения, комитеты общественных организаций и т. п.) заняли авторы специальной коллективной монографии, изданной к 70-летию победы Октябрьской революции. Они называют КОБы местными

---

¹ *Сидоренко С.А.* Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири (март – апрель 1917 г.). Челябинск, 1970. 244 с.; *Бабикова Е.Н.* Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. 159 с.

органами буржуазной власти, противопоставляя им советы, считают большинство КОБов коалиционными по составу и эсеро-меньшевистскими по руководству. В то же время авторы этой монографии как бы нехотя признают, что «мелкобуржуазная стихия (не понятно, что это такое ?!. — В.Ш.) вовлекла в создание комитетов общественного порядка широкие слои трудящихся Сибири, в том числе и малосознательные слои рабочих. Находясь под сильным влиянием меньшевиков и эсеров, эта часть рабочих приняла активное участие в создании КОБов. В ряде промышленных пунктов Сибири даже состав комитетов общественной безопасности был преимущественно рабочим»¹. В остальных публикациях советских историков адаптационное поведение населения Сибири по отношению к местным органам власти Временного правительства даже не попадало в поле зрения исследователей.

Справедливости ради, необходимо сказать о том, что в освещении этого вопроса имеются серьезные объективные трудности. Они обусловлены тем, что весной — летом 1917 г. устойчивой системы органов государственной власти в России не существовало. Вопрос о форме государственного устройства был в компетенции «хозяина земли русской» — Всероссийского Учредительного собрания, выборы которого являлись главной задачей Временного правительства и постоянно откладывались. Те органы государственной власти, которые существовали в столице и на местах, не являлись даже каркасом будущей российской государственности. Они возникли во многом спонтанно, стихийно, в лучшем случае — по поспешно набросанным эскизам общественно-политических лидеров.

Ситуацию усугубляло наличие советов, компетенция которых никем и нигде не была юридически определена. Даже в тех случаях, когда их возглавляли меньшевики и эсеры, поддерживавшие Временное правительство, право контроля за действиями последнего, которым советы сами себя наделили, ставило их в положение параллельной (второй) власти. Данное обстоятельство дезориентировало население, затрудняло ему выбор той политической среды, к которой оно должно было адаптироваться.

Несколько иначе можно оценить историографическую ситуацию, сложившуюся в советской историографии в результате изу-

---

¹ Победа Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 1: Февральская революция и двоевластие. С. 131.

чения второго этапа революции и гражданской войны в Сибири. Во многом она отражала те изменения, которые произошли в положении партии большевиков после Петроградского вооруженного восстания: большевики захватили власть в столице, но долго были вынуждены вести борьбу за ее взятие в других городах и особенно в провинции. Тем самым главная цель, которую они преследовали, как бы «раздвоилась», что обусловило соответствующее «раздвоение» их политики. В борьбе за захват власти на местах большевики продолжали вести старую политику, направленную на дезадаптацию населения к Временному правительству. В то же время с момента взятия власти большевиками их политика стала содержать в себе акции, направленные на расширение собственной социальной опоры, облегчавшие адаптацию рабочих и крестьян к новому государственному строю. Наиболее ярким проявлением, учитывавшим новые политические реалии, стали первые декреты, опубликованные большевиками сразу же после захвата государственной власти: о мире и о земле.

Советские историки, занимавшиеся изучением борьбы большевиков за власть в Сибири, установлением Советской власти на местах и деятельностью ее местных органов, в полной мере отразили как противоречия в положении большевистской партии (или, как говорил В.И. Ленин, «переход в переходном периоде»), так и специфику ее поведения. Как известно, советизация Сибири шла медленно и встретила как активное, так и пассивное сопротивление значительной части населения. Поэтому историки были вынуждены преимущественно изучать, с одной стороны, сохранившиеся в арсенале большевиков мероприятия, фактически направленные на дезадаптацию населения, с другой — взятые большевиками на вооружение приемы и методы, по сути являвшиеся адаптационными инновациями¹. Как можно судить по имеющимся публикациям советских историков, в политике Советской власти конца 1917 – первой половины 1918 г. огромное место занимали формы и методы принудительной адаптации

---

¹ *Кадейкин В.А.* Рабочие Сибири в борьбе за власть советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 – август 1918). Кемерово, 1966. 370 с.; *Агалаков В.Т.* Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск, 1978. 254 с.; *Демидов В.А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири 1917–1923 гг. Новосибирск, 1978. 368 с.; *Красильников С.А., Соскин В.Л.* Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917 – лето 1918). Новосибирск, 1985. 256 с.

населения Сибири¹, хотя сама власть была еще очень слабой. Последнее обстоятельство в значительной степени объясняет недовольство сибиряков такой политикой и причины довольно быстрого свержения большевиков летом 1918 г.

Советская историография третьего этапа революции и гражданской войны в Сибири интересна тем, что исследователи вновь сосредоточились на изучении проблематики, отражавшей дезадаптивное поведение населения, его борьбу против созданных контрреволюционными силами правительств: сначала Временного Сибирского правительства, затем — Временного Всероссийского правительства и, наконец, Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Они занимались главным образом исследованием антибольшевистского подполья и партизанско-повстанческого движения, достигнув в их освещении серьезных результатов с точки зрения выявления фактической стороны, но никак не в разработке адекватной концепции².

Проблематика советской историографии четвертого этапа революции и гражданской войны в Сибири также была обусловлена преимущественно теми задачами, которые решала партия большевиков после освобождения края от колчаковцев. Главными из них являлись восстановление органов так называемой «диктатуры пролетариата», оказание помощи Центру людскими и продовольственными ресурсами, завершение разгрома остатков контрреволюции. Как показано в имеющихся публикациях, в решении этих задач Советская власть сначала проявила известную эластичность (в аграрном и продовольственном вопросах, в области партийного строительства на селе), тем самым как бы содействуя постепенному при-

¹ Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы советской Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. 307 с.; *Он же*. В.И. Ленин и советы Сибири (1917–1918). Руководство военно-политической деятельностью советов в борьбе с контрреволюцией. Новосибирск, 1977. 317 с.

² См., например: *Стишов М.И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири (1918–1920 гг.). М., 1962. 420 с.; *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. 384 с.; *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная. Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы интервенции и гражданской войны. Кемерово, 1968. 558 с.; *Журов Ю.В.* Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. 250 с.; *Он же.* Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. 196 с.; *Плотников И.Ф.* Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918–1920 гг. Свердловск, 1989. 337 с

выканию сибиряков к своей политике. Но в решении большинства вопросов она изначально использовала жесткие организационные формы (создание революционных комитетов), которые затем были дополнены массовым принуждением в других сферах деятельности (продовольственная разверстка, трудовые повинности и т. п.)¹.

Зафиксированная выше обусловленность проблематики, исследованием которой занимались советские историки, задачами социалистического строительства сохранилась при изучении всех последующих периодов истории Сибири. Индустриализация, коллективизация, культурная революция, руководящая деятельность партии большевиков в осуществлении этих преобразований всегда находились в числе приоритетных². Из содержания публикаций историков можно сделать вывод о том, что масштабы участия населения Сибири в осуществляемых большевиками мероприятиях расширялись и, следовательно, процесс адаптации к Советской власти шел по нарастающей.

Но вопрос о том, за счет каких форм и методов достигался этот результат, за редким исключением не попадал в поле зрения советских исследователей по идеологическим причинам. Исключением можно считать только книгу Н.Я. Гущина (в скобках заметим, подвергнутого за ее публикацию жесткой критике), из которой становится понятно, что в ходе коллективизации сельского хозяйства в конце 1920 – первой половине 1930-х годов принудительная адаптация населения Сибири приняла массовые масштабы и жестокий характер³.

¹ *Богданов М.А.* Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961. 109 с.; *Шишкин В.И.* Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1978. 333 с.; *Он же.* Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985. 319 с.

² *Матушкин П.Г.* Урало-Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск, 1966. 424 с.; *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 518 с.; *Московский А.С.* Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Историко-экономический очерк. Новосибирск, 1975. 263 с.; *Лукинский Ф.А.* Народное образование в Сибири (1928–1941 гг.): историко-статистическое исследование. Новосибирск, 1982. 223 с.

³ *Гущин Н.Я.* Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса. Новосибирск, 1972. 289 с.

Из публикаций советских исследователей можно также понять, что в 1920–1930-е годы для адаптации ряда категорий населения партия большевиков стала активно применять разнообразные формы и методы. В частности, социализация рабочих велась через профессиональные союзы, молодежи — через Ленинский коммунистический союз молодежи, крестьянской бедноты — через комитеты батраков и бедняков, интеллигенции — через общественные организации¹. Эти же институты использовались коммунистической партией в целях приспособления населения к новым политико-государственным условиям в последующее время вплоть до полного отстранения КПСС от власти.

* * *

Как ни парадоксально, но после устранения в Российской Федерации коммунистической партии от власти наибольшее внимание отечественных историков по-прежнему привлекал период революции и гражданской войны. Впрочем, понять причины такой преемственности несложно. В первую очередь такой интерес объясняется тем реальным значением, какое имели события и результаты этих пяти лет для новейшей истории России. Необходимость интенсивно продолжать изучение революции и гражданской войны объяснялась также состоянием предшествующей историографии с ее многочисленными «белыми пятнами», с одной стороны, многочисленными откровенными фальсификациями — с другой. Ситуация в историографии Сибири не отличалась от общероссийской².

---

¹ *Боженко Л.И., Гагарин А.В.* Социально-политические организации в сибирской деревне (1920–1927 гг.). Томск, 1971. 136 с.; *Куперт Ю.В.* Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.). Томск, 1982. 412 с.; *Пыстина Л.И.* Общественные организации научно-технической интеллигенции Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 1987. 224 с.

² *Шишкин В.И.* Постсоветская историография истории Сибири // Методология региональных исторических исследований: российский и зарубежный опыт: Материалы междунар. семинара 19–20 июня 2000 года. СПб., 2000. С. 79–82; *Немчинова Т.А.* Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002. 189 с.; *Разгон В.Н.* Современное историческое сибиреведение: тенденции последнего десятилетия // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002. С. 4–14; *Курас Л.В., Наумов И.В., Немчинова Т.А., Новиков П.А.* Октябрьская революция и гражданская война

За последнюю почти четверть века опубликовано несколько десятков специальных монографий и сборников статей, посвященных периоду революции и гражданской войны в Сибири. Они выполнены в разном предметно-тематическом «ключе». Одни из них претендуют на комплексный анализ всей проблематики революции или гражданской войны в масштабах того или иного региона (например, всей Сибири¹, Восточной Сибири², Енисейской или Томской губерний³, Кузбасса⁴, Якутии⁵), другие посвящены анализу только общественно-политических событий и процессов⁶.

Большая же часть монографий сфокусирована на решение более узких проблем. Например, появились книги об участии профессиональных союзов в общественно-политической жизни Сибири во время революции⁷, армии — на начальной фазе гражданской войны⁸, анархистскому движению¹, еврейской диаспоре²,

---

в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения. Улан-Удэ, 2008. 203 с.; *Рышков В.М.* Гражданская война на Востоке России: проблемы историографии и проблемы историографического жанра // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия: Сб. материалов науч. конф. Самара, 2009. С. 65–77.

¹ *Курас Л.В.* Октябрьская революция в Сибири (1917 – середина 1918 гг.) в отечественной исторической литературе и источниках. Улан-Удэ, 1995. 192 с.

² *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. 415 с.

³ *Шекшеев А.П.* Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. 592 с.; *Он же.* Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). Абакан, 2007. 160 с.

⁴ *Дробченко В.А.* Кузбасс в вихре революций: общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 г. Томск, 2008. 660 с.

⁵ *Федоров В.И.* Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). М., 2002. Книга 1. 328 с.; *Он же.* Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919 гг.). Новосибирск, 2010. Книга 2. 359 с.; *Он же.* Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919): в двух книгах. Новосибирск: 2013, 676 с.

⁶ *Черняк Э.И.* Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск, 2001. 238 с.; *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. 428 с.; *Он же.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 262 с.; *Дробченко В.А.* Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск, 2010. 550 с.

⁷ *Дробченко В.А.* Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Томск, 2006. 290 с.

⁸ *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск, 1995. 252 с.; *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2009. 692 с.

казачеству³ и эсерам⁴ во время революции и гражданской войны, суверенизации народов Сибири в годы гражданской войны⁵, правоохранительной политике Российского правительства⁶ и офицерскому корпусу его вооруженных сил⁷, социальной политике антибольшевистских режимов на востоке России⁸.

В результате по сравнению с советским этапом развития отечественной науки историографическая ситуация во многом изменилась. В частности, был преодолен «перекос» в изучаемой проблематике, а выводы исследователей стали менее политико-идеологизированными и более объективными. Особо необходимо отметить значение для изучаемой в рамках темы статьи публикаций, в которых нашло отражение политическое поведение тех или иных категорий населения Сибири. В одном случае авторы описали и проанализировали сопротивление, которое часть сибиряков оказывала советскому режиму, хронологически охватывающее вторую половину 1918 г. и 1920 – начало 1921 г.; в другом — поддержку со стороны части местного населения существовавшим в Сибири контрреволюционным режимам. Тем самым авторы этих исследований вплотную приблизились к тому, чтобы самостоятельно «выйти» на проблему политической адаптации.

---

¹ *Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Омск, 1996. Ч. 1. (1900–1918). 206 с.; Ч. 2. (1918–1925). 175 с.

² *Нам И.В., Наумова Н.И.* Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 г.). Красноярск, 2003. 272 с.

³ *Шуддяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004. Кн. 1–2. 748 + 607 с.; *Тарасов М.Г.* Енисейское казачество в годы революции и гражданской войны: 1917–1922. М., 2011. 176 с.

⁴ *Добровольский А.В.* Эсеры Сибири во власти и оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск, 2002. 397 с.

⁵ *Сушко А.В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы гражданской войны. Омск, 2009. 336 с.; Издание второе, исправленное и дополненное. М., 2014. 376 с.

⁶ *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. 352 с.

⁷ *Волков Е.В.* Колчаковские офицеры. Опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. 336 с.; *Он же.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период гражданской войны. Иркутск, 2005. 300 с.

⁸ *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008. 440 с.

Менее значительными являются достижения постсоветской историографии в изучении остальных периодов советской истории Сибири. Здесь можно выделить несколько привлекших наибольшее внимание историков проблем, в изучении которых были достигнуты заметные результаты.

В первую очередь нужно назвать продвижение в исследовании так называемых «правоохранительных» органов Советской власти 1920-х годов¹ и близких к ним по сути разного рода чрезвычайных органов², на самом деле осуществлявших в основном карательные функции. Точно также введен в научный оборот большой объем фактического материала о карательной политике и конкретных репрессивных акциях 1920–1930-х годов, направленных против населения Сибири в целом³, его отдельных социальных (крестьянство)⁴ или национальных (немцы, поляки)⁵ групп.

¹ *Олех Г.Л.* Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. 145 с.; *Он же.* Кровные узлы. РКП (б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999. 117 с.; *Исаев В.И., Угроватов А.П.* Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). Новосибирск, 2006. 294 с.; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК – ОГПУ в Сибири, 1918–1929 гг. М., 2007. 287 с.

² *Шевляков А.С.* Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны. Томск, 2000. 228 с.; *Он же.* Сталинские политотделы в Сибири. Чрезвычайные органы ВКП(б) в политическом и социокультурном пространстве советской деревни (1930-е гг.). Томск, 2007. 218 с.

³ *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск, 1995. 336 с.; *Он же.* Пенитенциарная система Западной Сибири (1920 – 1941 годы). Томск, 2011, 330 с.; *Он же.* Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.). Томск, 2012. 562 с.; *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири (1928–1941). Новосибирск, 1997. 272 с.; *Он же.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. 440 с.; *Самосудов В.М.* Судьбы людские: Историко-документальный очерк. Омск, 1998. 208 с.; *Тутужекова В.Н., Карлов С.В.* Репрессии в Хакасии. Абакан, 1998. 112 с.; *Степанов М.Г.* Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Абакан, 2006. 182 с.; *Павлов С.М.* Кузбасская Голгофа: Очерки о политических репрессиях. Кемерово, 2008, 368 с.; и др.

⁴ *Красильников С.А.* Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. 288 с.; *Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н.* Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930 – начало 1950-х). Новосибирск, 2008, 392 с.; *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л.* Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово, 2009, 446 с.

⁵ *Ханевич В.А.* Белостокская трагедия: (Из истории геноцида поляков в Си-

Другой проблемой истории Сибири 1920–1930-х годов, где были достигнуты научно значимые результаты, стало изучение населения отдельных регионов¹, таких его социальных групп, как «буржуазные специалисты»², батрачество³, молодежь⁴, интеллигенция⁵, крестьянство⁶, а также маргинальных слоев⁷. Особо необходимо отметить книгу очерков В.И. Исаева о повседневной жизни обыкновенных сибиряков, в которой по сути дела рассматриваются проблемы их адаптации к советской действительности 1920–1930-х годов⁸.

В постсоветской историографии по-прежнему достаточно активно изучалась Сибирь периода Великой Отечественной войны. Но обновление проблематики, исследовательских подходов и источниковой базы здесь было незначительное. Впрочем, такая ситуация в известной мере понятна: в советский период тема Великой Отечественной войны разрабатывалась не только широко, но относительно объективно. Из постсоветских публикаций наибольшее количество фактического материала об отношении населения к

бири). Томск, 1993. 190 с.; *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М., 1995. 318 с.

¹ *Алексеева Л.В.* Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. 264 с.; *Она же.* Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация. Нижневартовск, 2006. 390 с.

² *Пыстина Л.И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930 гг. (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. 159 с.

³ *Быстренко В.И.* Батрачество Сибири в 20-е годы XX века: автореф. дис. . д-ра ист. наук. Томск, 2000. 34 с.

⁴ *Исаев В.И.* Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2003. 241 с.

⁵ *Красильников С.А., Пыстина Л.И., Ус Л.Б., Ушакова С.Н.* Интеллигенция Сибири в первой половине XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007. 310 с.

⁶ *Кузнецов И.С.* На пути к «Великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск, 2001. 235 с.;

Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: устная история. Барнаул, 2008. 526 с.

⁷ *Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы).* Новосибирск, 2004. 456 с.; *Маргиналы в советском социуме, 1930-е – середина 1950-х гг.* Новосибирск, 2010. 448 с.

⁸ *Исаев В.И.* Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920–1930-е годы. Новосибирск, 2008. 188 с.

Советской власти содержится в монографиях о крестьянстве¹, о военно-мобилизационной деятельности Сибирского военного округа и подготовке им резервов для фронта², об использовании людского потенциала Сибири³.

Серьезные подвижки в постсоветской историографии произошли в изучении послевоенной Сибири. «Проблемное поле», на котором раньше работали историки, значительно расширилось и обновилось. Были опубликованы написанные на широкой источниковой базе монографии о партийной номенклатуре в системе региональной власти⁴, о взаимоотношении интеллигенции и власти⁵, о кампании борьбы с «космополитами»⁶, о советской религиозной политике и о состоянии религиозных конфессий в Сибири в 1940–1960-е годы⁷, о государственной политике по закреплению населения в районах нового промышленного освоения⁸, об инте-

¹ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993. 245 с.

² Голиков В.И. Стрелковые формирования Красной армии в Сибирском военном округе. Томск, 2006. 416 с.; Накоржевный А.И. Сибирский военный округ в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2006. 201 с.; Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 2007. 516 с.

³ Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008. 378 с.; Он же. Социальные перемещения в Сибири в годы Второй мировой войны: динамика и масштабы: Монография. Новосибирск, 2015, 278 с.; Иванов С.Н., Исупов В.А. Командирами не рождаются. Военные училища Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2015. 316 с.

⁴ Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991 гг.). Кемерово, 2004. 492 с.; Он же. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005. 312 с.; Он же. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006. 636 с.

⁵ Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири). Омск, 2001. Ч. 1: «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 г.). 224 с.; Ч. 2: «Оттепель» (март 1953 – 1964 гг.). 228 с.

⁶ Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово, 2009. 255 с.

⁷ Сосковец Л.И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск, 2003. 348 с.; Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. Томск, 2008. 408 с.

⁸ Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск, 2009. 174 с.

грации шорцев в социалистическое строительство¹. Через обозначенные темы их авторы вышли на проблемы социально-политической адаптации изучаемых ими категорий населения. К сожалению, этого нельзя сказать о монографии, в которой анализируется сибирская интеллигенция, занятая в сфере художественной культуры², хотя такой исследовательский ракурс напрашивался. Интересной, но нереализованной осталась авторская заявка на изучение протестных настроений населения Сибири в 1950–1960-е годы³.

В постсоветской историографии стали изучаться и два последних периода в развитии истории Сибири XX века: «перестройка» и радикальное реформирование 1990-х годов. Понятно, что в данной области сделаны еще только первые шаги. Тем не менее, к числу безусловных достижений историков необходимо отнести изучение рабочего движения в Кузбассе⁴, становление многопартийной системы в Западной Сибири на стыке двух эпох (второй половины 1980-х и первой половины 1990-х годов)⁵, анализ взаи-

---

¹ *Белозерова М.В.* Шорцы: жизнь и реформы (20-е – 60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество. Кемерово, 2004. 320 с.; *Галаганов З.П.* Очерки истории Горной Шории. Кемерово, 2006. Книга 3 (1946–1953). 360 с.; *Он же.* Очерки истории Горной Шории. Кемерово, 2007. Книга 4 (1954–1961). 348 с.; *Он же.* Очерки истории Горной Шории. Кемерово, 2008. Книга 5 (1962–1970). 376 с.; *Он же.* Очерки истории Горной Шории. Кемерово, 2009. Книга 6 (1971–1975). 416 с.; *Он же.* Очерки истории Горной Шории. Кемерово, 2010. Книга 7 (1976–1980). 519 с. *Он же.* Очерки истории Горной Шории. Кемерово, 2011, книга 8 (1981–1985). 616 с.; *Он же.* Очерки истории Горной Шории. Кемерово, 2012. Книга 10 (1988–1989). 249 с.; *Он же.* Очерки истории Горной Шории. Кемерово, 2012. Книга 11 (1990–1991). 264 с.

² *Бортников С.Д.* Художественная культура и интеллигенция Сибири (1961–1985 гг.). Барнаул, 1999. 206 с.

³ *Титов В.Ю.* Протестные настроения в общественном мнении граждан РСФСР во второй половине XX века (на материалах 1945–1960 гг.). Монография. Иркутск, 2005. 324 с.

⁴ *Костюковский В.* Кузбасс: жаркое лето 89-го. М., 1990. 208 с.; *Лопатин Л.Н.* История рабочего движения Кузбасса (1989–1991 гг.). Кемерово, 1995. 304 с.; *Он же.* Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М., 1998. 615 с.; *Он же.* Шахтеры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения). Кемерово, 2009. 224 с.

⁵ *Осипов А.Г., Козодой В.И.* Политический спектр. Формирование многопартийности в Западной Сибири (1986–1996 гг.). Новосибирск, 2003. 354 с.; *Козодой В.И.* Сибирский разлом. Общественно-политическая жизнь Сибири: 1985–1996 гг. Новосибирск, 2011. 440 с.

моотношений власти и общества в начале 2000-х годов через призму избирательных кампаний¹. В то же время малоинформативной и не содержащей серьезных выводов оказалась книга об общественно-политической жизни Сибири периода «перестройки»².

Тотальное выявление и изучение имеющихся библиографических указателей и пособий, историографической и конкретно-исторической литературы по истории России и Сибири позволяет утверждать, что, несмотря на все внутренние противоречия и расхождения, которые содержатся в исторических публикациях на всех уровнях исследовательской практики, начиная от изучаемой проблематики и источниковой базы и заканчивая сформулированными концепциями, в совокупности имеющаяся литература дает относительно полное представление об основных тенденциях и результатах развития Сибири в XX веке. Тем самым, опираясь на эту литературу, вполне можно прописать общеисторический контекст, в котором протекали процессы адаптации, дезадаптации и коадаптации в Сибири.

До начала 2010-х годов исследовательская работа отечественных историков велась преимущественно в рамках тех подходов, в которых государство выступало в качестве демиурга российского исторического процесса, а общество — не столько как субъект исторического творчества, сколько как объект, который структурируется государством. Поэтому преимущественное внимание историки уделяли изучению государства (его институтам, сущности и содержанию государственной политики, реализации этой политики и ее результатам), которое выступало в роли главного адаптера, детерминировавшего возникновение адаптационного процесса и дальнейшее развитие адаптационных процессов, а также адаптаторов (факторов, условий, детерминант, регуляторов), ускорявших или тормозивших процесс политической адаптации населения.

---

¹ *Новиков С.В.* Общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимовлияния (1988–1991 гг.). Омск, 1999. 142 с.; *Новиков С.В.* Политические партии, властные структуры в борьбе за влияние на печать и избирателя Западной Сибири (1992–1996 гг.). Омск, 2000. 178 с.; *Козодой В.И., Козлов И.Г., Осипов А.Г.* Власть, общество, выборы. Политическое развитие Новосибирской области в 2000–2003 гг. Новосибирск, 2005. 546 с.

² *Величко С.А.* Общественно-политическая жизнь Сибири (1985–1991). Омск, 2004. 376 с.

Они хорошо описали структуру, кадровый состав, направления и результаты деятельности органов государственной власти в Сибири. В совокупности их публикации создали необходимую основу для того, чтобы составить представление о региональных особенностях политических систем и режимов российского государства, которые выступали для населения в двух ипостасях: с одной стороны, они были той средой, к которой ему надлежало приспособиться, с другой — его являлись главным адаптером.

В имеющихся публикациях хорошо освещены политика органов государственной власти и управления, формы и методы их работы. Другими словами, имеется достаточный эмпирический материал для того, чтобы реконструировать нормативно-регулятивные средства адаптации, которые как на макро-, так и на микроуровне применяло российское государство по отношению к населению Сибири и его различным странам.

Но при этом встречное движение общества — его стратегии, модели, механизмы, инструменты, формы, которые сознательно или стихийно вырабатывались и применялись разными социальными, этноконфессиональными и иными группами населения в целях приспособления к политическим системам и режимам и их изменениям — изучались явно недостаточно.

Более того, в соответствии с этой парадигмой взаимодействие государства и общества серьезно и основательно исследовалось в основном в формате конфронтации и классовой борьбы. В результате в историографии в очередной раз возник существенный перекосяк. Он не позволяет получить объективное представление о том, как реально строились взаимоотношения власти с населением Сибири, какие его слои и категории и почему стали добровольной и надежной опорой власти, а какие и почему прошли через горнило принудительной адаптации.

Историки, занимающиеся изучением Сибири XX века — в отличие от их коллег, которые исследуют предшествующие столетия, — еще не вышли на анализ проблем политической культуры населения, без исследования которых невозможно понять политику властей и реакцию на нее разных социумов, применявшиеся ими стратегии и модели поведения, в конечном счете — результаты адаптации и коадаптации.

Политическая же адаптация на уровне отдельных акторов — территориальных и иных общностей, а тем более отдельных граждан — до недавнего времени оставалась в историографии Сибири

«белым пятном». Лишь в последнее время в этой области начались первые подвижки. Они были спровоцированы появлением в печати статьи, в которой было дано обоснование актуальности изучения политической адаптации населения России в XX веке¹, и поддержкой научного проекта, нацеленного на исследование политической адаптации сибиряков в условиях войн, революций и реформ первой трети XX века, со стороны Российского гуманитарного научного фонда.

Главным образом в порядке подготовки заявки в РГНФ и реализации этого проекта были опубликованы первые специальные статьи по проблематике политической адаптации населения Сибири. В них рассматривался пока узкий круг вопросов. Но статьи были написаны в разных проекциях, с использованием разнообразных источников и с применением различных подходов. Две статьи были посвящены анализу периодической печати и «Обзора законодательной деятельности государственной власти в Сибири» В.А. Рязановского как источника для изучения политической адаптации². В нескольких статьях анализировались институты, инструменты, формы и индивидуальные стратегии, которые практиковали, с одной стороны, разные категории населения Сибири в целях политической адаптации и коадаптации с властью в первой трети XX века³, с другой стороны — использовало руководство Сибир-

¹ *Шишкин В.И.* Проблемы социальной адаптации населения России: историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2010. № 4. С. 69–73.

² *Шереметьева Д.Л.* Газеты как источник изучения политической адаптации населения Сибири в условиях гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2014. Вып. 5. С. 104–113; *Журавлев В.В.* «Обзор законодательной деятельности государственной власти в Сибири» В.А. Рязановского как источник по истории политической адаптации к контрреволюционным режимам // Там же. С. 114–131.

³ *Морозова Т.И.* Членство сибирских крестьян в РКП(б)–ВКП(б) как канал коадаптации власти и общества 1920-х годов // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: Материалы II Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2014. С. 81–85; *Савин А.И.* Сотрудничество с тайной полицией как специфическая форма политической адаптации верующих в советском государстве (1920–1940-е годы) // Вестник Омского университета: Серия: Исторические науки. Омск, 2014. № 3. С. 37–47; *Ливоваров Н.Ю.* Кооперация как инструмент политической адаптации крестьянства Сибири в начале XX в. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск,

ской организации РКП(б)–ВКП(б) по адаптации коммунистов к советской политической системе 1920-х годов¹. В одной статье обсуждался вопрос о пределах политической адаптации, которые существовали в КПСС в условиях перестройки².

Публикация упомянутых статей убедительно подтвердила актуальность изучения проблем политической адаптации в первой трети XX века, показала наличие достаточно широкого круга источников, опираясь на который можно заниматься изучением данной проблематики, позволила наметить подходы к их анализу, показала перспективность этого научного направления. Не подлежит сомнению, что дальнейшая разработка проблем политической адаптации населения Сибири в XX веке позволит внести большую ясность в понимание как поведения власти и общества, так и проблем их взаимоотношений.

2014. Вып. 5. С. 12–20; *Рышков В.М.* Сибирское общество в годы Первой мировой войны: институты, инструменты, формы и индивидуальные стратегии политической адаптации // Там же. С. 21–41; *Симонов Д.Г.* Адаптация офицерского корпуса антибольшевистских вооруженных формирований востока России к условиям гражданской войны (середина 1918 — начало 1920 г.) // Там же. С. 86–103.

¹ *Морозова Т.И.* Деятельность партийного руководства Сибири по политической адаптации коммунистов ленинского призыва (1924–1925 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013. Вып. 4. С. 173–199; *Она же.* Роль партийного просвещения в адаптации коммунистов Сибири к советской политической системе (1924–1929 гг.) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Новосибирск, 2014. Т. 13. Вып. 8. С. 118–130.

² *Котляров М.В.* КПСС в период перестройки: пределы политической адаптации // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013. Вып. 4. С. 221–243.